

УДК 16+303

Виктор Сергеевич Мартьянов,
кандидат политических наук, доцент,
ученый секретарь
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург (343) 374-15-88
martianovy@rambler.ru

СПОР ОБ ИСТИНЕ: МАКРОТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ ГЕРМЕНЕВТИКИ И СЦИЕНТИЗМА¹

В статье аргументируется гипотеза о том, что сциентистская и герменевтическая методологии науки об обществе и человеке несмотря на их идеологическую непримиримость методологически нуждаются друг в друге. Данные парадигмы взаимодействуют в познании согласно принципу дополнительности, восполняя на макротеоретическом уровне конструктивные недостатки друг друга. Макротеоретическим дуализмом подходов объясняются как причины методологической жесткости структуры доминирующего позитивистского языка науки, так и антисциентистские методологические особенности герменевтики, связанные с восполнением «белых пятен» и конструктивных ущербов позитивизма. Любой социальный факт в этом смысле двойствен и может быть рассмотрен с обеих позиций. Вместе герменевтика и сциентизм образуют метапарадигмальное единство, составляя базовую методологическую оппозицию внутри социального познания.

Истина, познание, парадигма, герменевтика, сциентизм, дуализм, методология, принцип дополнительности.

В условиях постклассического умножения парадигм наук об обществе и человеке можно наблюдать все более интенсивное соревнование за обладание конечной истиной разных методологий. Несомненно, эта борьба социально ангажирована, так как социально-политическое знание является не просто знанием, но и «знанием-властью», и монополия на истины об обществе и человеке ценится дорого.

На наш взгляд, основная линия противостояния по поводу всеобщих истин сводится к антагонизму двух «идеальных типов» познания. Методологически первый – «сциентистский тип» знания связан со структурой идеологического мышления, «панлогизмом»,

¹ Статья подготовлена при поддержке интеграционного проекта ИФиП УрО РАН и ИФПР СО РАН № 12-С-6-1003.

позитивистской методологией, объективизмом, рационализмом, эмпиризмом, нормативной ориентацией на методологию естественных наук. Эта модель познания является по своей структуре энкратической (властной), связанной с легитимацией истины социально-политического статус-кво при помощи опоры на «самоочевидность» социальных фактов, «естественное», природу, здравый смысл. На принятие всего таким, как оно есть «на самом деле». В настоящее время эта сциентистская модель представляет господствующий дискурс в социально-политических науках, который априори связан с самоописанием доминирующего субъекта власти, стремящегося теоретически легитимировать сложившийся социально-политический порядок. Второй методологический полюс – «герменевтический» реализуется в признании множественности познаваемых социальных миров, апологии их цивилизационной и иной уникальности, технике интерпретации, комментария, понимания. Этот методологический полюс органически связан с оппозицией, утопическим мышлением, ревизионизмом, критикой существующего в обществе статус-кво в форме его «разоблачения». Здесь желательность общественных изменений преобладает ценностную установку на консервацию существующего общества и его периодический косметический «ремонт», не затрагивающий сути этого общества.

Сознательный или бессознательный выбор исследователем априорных аксиом познания во многом детерминирует условия и формы последующего опыта, а также программирует исследовательский результат. Герменевтика и сциентизм вместе составляют идеально-типический набор базовых методологических противоречий социальной теории. Эти высшие антиномии социального познания в теориях «среднего уровня» общественных наук не тематизируются на ценностном уровне, но тем не менее активно используются в исследованиях общества и человека. Таким образом, необходим последовательный анализ гносеологических и аксиологических оснований социально-политических наук, которые, в свою очередь, обуславливают способы рефлексии социальной реальности субъектами той или иной теории. Рассмотрим генезис и методологические особенности обозначенных полюсов социального познания.

Сциентизм: апология «формального знания». Сциентизм как принцип познания исходит из того, что существует единственно возможная научная истина, реализуемая через форму взаимосвязи означающего и означаемого в виде их абсолютного тождества. Сциентизм нацелен на выявление универсальных структур, общих понятий, исчерпывающих схем классификации, создание нормативного, универсального для всех исследователей языка описания.

Принципиальное значение в становлении общеполитических и методологических принципов сциентизма занимает учение Декарта как основоположника новоевропейского рационалистического сциен-

тизма, ориентированного на радикальное сомнение, тотальный скептицизм и стремление к дедукции любых достоверных истин из неопровержимых и очевидных аксиом по образцу естественнонаучного знания [4, с. 250-296]. Эта модель познания генетически связана с Римским правом и европейской научной традицией Просвещения, устанавливающей истину посредством «логической дедукции понятий». При этом не требовалось «обращаться к представлениям и суждениям сторон о любых существующих ценностях, поскольку речь шла только о чистой юриспруденции понятий, которая не принимала во внимание интересы сторон» [11, с. 28]. Позднее это требование было перенесено в новоевропейскую науку, где бог (трансцендентное начало) был отождествлен с рассудком как типом универсальной рациональности, основанным на логической и эмпирической верификации любых истин. Здесь коду истины разума подчиняется все ему внеположное: чувственность, интуиция, вера, мораль, нравственность, эмоции, «проклятая сторона вещей».

Такое определение истины специфично именно для Запада: «Абендланд [Запад] – это та территория, где понятие истины, которое в остальном мире применяется только в области математики, логики и естественных наук, принимается и в области отношений между людьми, где, следовательно, есть четкое разделение понятий «право» и «нравственность» (справедливость)». Право [истину] можно доказать, как доказывается математическое правило, например ссылкой на закон или решение верховного суда, а справедливость (нравственность) чувствуется, ее доказать невозможно» [11, с. 30]. В дальнейшем методология аксиоматизации, формализации и дедукции знания как способа его универсализации обязана своим совершенствованием Просвещению: «...общая тенденция Просвещения как раз в том и заключается, чтобы не признавать никаких авторитетов и все решения предоставлять разуму. Также и письменно зафиксированная традиция, будь то Священное писание или любой другой источник исторических сведений, не может быть принята без доказательств; ее возможная истина, напротив, зависит от степени правдоподобия, которую признает за ней разум. Не традиция, а разум представляет собой последний источник всякого авторитета. То, что написано, не обязательно верно. Мы знаем это лучше» [3, с. 324-325].

Единая религиозная картина христианства обеспечивала из области трансцендентного ценностное и методологическое единство образам научного языка, его непротиворечивость собственным онтологическим основаниям через способ постановки вопросов, общую проблематику и методологию исследований. Исторические процессы «национализации» культурных миров, развития капитализма, секуляризации, в ходе которой на смену мистике приходит рационалистическая наука, поколебали априорное методологическое единство христианской картины мира. Формирование современных

государств, развитие национальных культур из недр общехристианского происхождения, привело к трансформации христианского дискурса. Просвещение в превращенной рационализированной форме присвоило и переработало в ходе общественных трансформаций почти всю религиозную проблематику.

Секуляризация обусловила девальвацию символического капитала церкви, разрушение монополии в области трансцендентного и одновременную концентрацию этого капитала, являющегося ключевым ресурсом власти у государственных институтов, в том числе институтов по производству знания. Рациональный дух капитализма, основанного на принципе бесконечного накопления капитала и эффективности, привел к переносу оснований веры из области трансцендентного, с которой имела дело мистика, в область имманентного. Подтверждение благосклонности бога через внешние вещи придало спасению характер прижизненной гарантии, возможной только когда мы имеем дело с гарантированными знаками свыше в противовес нуждающимся в интерпретации и двусмысленным по своей природе видениям, пророчествам, откровениям, религиозным символам [10, с. 315-346].

Вплоть до XX в., осмысляемого в социально-политических науках через метафору перманентного кризиса, единство научной методологии как таковой могло быть достигнуто только в области имманентного путем переноса методологии наук о природе в область наук о человеке, посредством таких исследовательских практик, как механицизм, органицизм, бихевиоризм, теория рационального выбора, структурно-функциональный подход и обобщающая их позитивистская модель. Все эти методы основаны на идее неизменной природы, описываемой с помощью столь же ясного языка логики, аксиом и дедуктивных методов, которые позволяют сохранять систему точного знания.

Позитивистский (сциентистский) метод выступает в виде формализаций, предназначенных для установления тождественного, а следовательно истинного, отношения значения и референта. При этом обычно используется бинарная связка: теория – практика, сознание – бытие, означаемое – означающее, система – жизненный мир (феноменология), сознание – подсознание (Фрейд), капиталист – наемный рабочий (Маркс), золотой миллиард – остальное человечество (антиглобализм), мировой центр – мировая периферия (Валлерстайн). Первый элемент претендует на тождество со вторым, причем доказательство тождества рассматривается как не подлежащая оспариванию и единственно возможная истина. Критерий истины может связываться с природой (натурализм), человеком, культурой, религией, трансцендентным в противовес имманентному. В любом случае он является чем-то «иным» по отношению к «системе», которую он призван легитимировать на производство истины.

С другой стороны, в такой бинарной оппозиции один ее член господствует над другим. Поэтому после открытия всеобщей, но несправедливой бинарной парадигмы следует неизбежный и закономерный ценностный вывод о необходимости освобождения подавляемого члена оппозиции. Как правило, это происходит в рамках дискурса освобождения, характерного для постмодернистов, идеологов мультикультурализма и гендерного подхода.

В области теории познания позитивизм наиболее четко представлен семиологией – наукой о принципах производства значений. Предельные основания семиологического подхода представлены традиционной метафизикой, которая в целом выстраивается на бинарной оппозиции чувственного (эмпирического) и сверхчувственного (умопостигаемого), где второй элемент обычно довлеет над первым. При этом семиология, будучи метафизически структурированной, любым способом уклоняется от метафизических содержания, дабы не выйти за пределы критериев просвещенческой «научности». Семиология отрицает свою метафизичность, полагая себя только в границах реального, природного, чувственного с помощью формальной логики, рассудка и здравого смысла. Трансцендентное измерение, мешающее окончательному доказательству истин наук о человеке, игнорируется. Семиология структурно представляет собой метапарадигму науки Нового времени, которая в обмен на отказ от метафизичности хотела бы получить контроль над имманентным, как условие присвоения истины-нормы-власти.

Ключевые признаки познавательных структур семиологии состоят в следующем:

а) формализация, связанная с попыткой создания универсальной модели научного языка;

б) элиминация двойственности языка, который может быть и объектом (источником), и орудием познания. Противоречивый естественный язык уступает место искусственному (логика). Язык науки функционализируется, сводится только к механическому орудию познания;

в) задается алфавит знаков формализованного языка познания, аксиомы и правила вывода. Получение истины становится прикладным технологическим процессом. Следуя определенным техническим правилам ее получение неизбежно;

г) жесткий и последовательно проводимый принцип системности. Его постоянное воспроизведение ведет к проблеме адаптации научного языка к изменению внешних условий по отношению к универсальным теоретическим системам, что, в свою очередь, обуславливает их неизбежную фальсификацию.

В подобной структуре познания означающее и означаемое находятся в неравной односторонней связи: реальность является вторичной по отношению к идее реальности. Референт (реальность)

изначально не способен привнести ничего нового в систему, а тем более изменить ее – это отношение отражения. Такой односторонний способ коммуникации характерен для асимметричного властного отношения, не приемлющего обратного влияния. Интенция власти направлена именно на утверждение всеобщего, на доказательство своей способности руководствоваться абсолютной истиной. Но последняя может быть основана лишь на сведении трансцендентного к имманентному, их тождестве. Более того, «всякая универсальная пропозиция утверждает несуществование вещей некоторого класса» [1, с. 5]. Однако это не означает, что данные вещи перестают существовать «на самом деле». Просто их перестают замечать, игнорируют, если они нарушают принцип тождества знания-власти. Несомненно, что с помощью «бритвы Оккама» действительно можно ликвидировать все «лишние понятия» и те грани социальной реальности, которые они пытаются выразить и которые не вписываются в «минимальную» универсальную схему господствующего кода описания в науке. Но как тогда возможно новое знание? Как возможны сами общественные изменения и их интеллектуальная фиксация?

Здесь математический просчет, вероятностный анализ издержек и выгод различных вариантов решений ставит их в зависимость от самого баланса исчислимых прибылей и потерь как *ultima ratio* любого спора, то есть от задействованных средств, но не от поставленных целей. Отправной точкой служит повседневный опыт и практический смысл, в свою очередь, ставшие предметом речи научного языка. Доксический опыт человека предстает как «нулевая степень», нечто настолько простое и самоочевидное, что можно «по умолчанию» установить как его величество «социальный факт», аналог природы. Базируясь на основании доксического опыта, исследователь видит свою задачу в обобщении этого опыта в целостную картину, недостижимую в рамках самого опыта. Содержание опыта помещается в контекст теоретических схем, которые абстрагируются от частного и особенного (личностного) в доксическом опыте в пользу всеобщей рациональности.

Таким образом, позитивизм связан с методами классификации, формализации, дедукции и редукции, организующими закрытый дискурс научных значений. Принципы верификации истины прямо заимствуются из естественных наук. Стратегия познания связана с аналитическими формами производства истины.

Позитивистская наука имеет дело не с ценностями и тем более не с конфликтами ценностей, так как мораль изначально выносится за скобки научности в угоду объективности. Это – описание и систематизация объективированных фактов, не связанных с сознанием их участников и наблюдателей. Более того, приветствуется инструментальная отстраненность исследователя от изучаемого объекта как залог его объективности. Такая установка на привилегию ин-

струментальной рациональности ведет к господству бессубъектного языка, связанного с такими теориями, как бихевиоризм, теория рационального выбора, теория игр и т.п. Методы познания истины ориентируются здесь на объяснение, исключая возможность любой иной истины. Эвристическая нетерпимость сциентизма связана с непререкаемостью внутри него ряда логических процедур. В прикладных исследованиях эта модель науки ориентируется на количественные методы: легко формализуемые, эмпирически верифицируемые и максимально свободные от субъективных элементов сознания, необходимости интерпретировать языковые значения, культурные различия, эмоции.

Тактика формализации основана на том, что акцент познания основан на выяснении неких чистых форм научного языка, очищенных от субъекта, сознания, привносимых исследователем содержания и смыслов. Эти чистые формы языка должны быть универсальными и прозрачными, пропускающими универсальный разум познающего субъекта к объекту. Цель познания ориентирована на истинность самих способов поиска истины, когда истина заключается не в объекте, а в универсальности средств и структур познания: правилах вывода, основания, заключения, классификации, аксиоматизации.

При этом происходит отождествление всеобщих свойств мышления со свойствами окружающего мира, данными в опыте, наблюдении, здравом смысле, «естественных» для некоего коллективного историко-социального субъекта. Самоочевидность мира возникает через эмпиризм, механистический детерминизм, логический редукционизм, дуализм субъекта и объекта, отождествление мышления и опыта. В качестве методологических примеров можно назвать языки различных сфер знания: аналитической философии, логики, структурализма, позитивизма, семиотики. Позитивистская модель всегда отдает приоритет сходствам перед логикой отличий, законам, а не исключениям. При этом уровень научной редукции в поисках сходств и тождеств социальных фактов таков, что зачастую создается универсальная модель для описания «частного случая», когда существенные различия игнорируются как несущественные и второстепенные в сравнении с предзаданной нормой.

Герменевтика: критика «формального знания». Эвристичность герменевтики определяется тем, что она эффективно обнаруживает несовпадение, нетождественность мира и теории, означающего и означаемого, возможность их вариативных сочетаний. Герменевтика акцентирует внимание, во-первых, на избыточности моделей реальности относительно самой реальности, во-вторых, на автономии идей и ценностей от реальности, что в радикальном варианте приводит к констатации множественности возможных социальных миров и истин. Также утрачивается универсальный критерий

рий, который позволил бы определить, какая из теоретических интерпретаций человека, общества, мира является истинной.

Методологический генезис современной герменевтики связан с практикой экзегезы – толкованием религиозных текстов. Практика, вырастающая из комментария и разъяснений Священного Писания, распространяется в дальнейшем на любые тексты. Такая генеалогическая позиция в отношении герменевтики, рождающей современное историческое сознание, аргументируется, в частности, в работах Х.-Г. Гадамера [3, с. 221-445]. В то же время существует альтернативный взгляд на истоки герменевтики, согласно которому ее исторические начала, связанные с методологической рефлексией соотношения слов, вещей и представлений, зародились еще в Античности в виде интерпретаций и истолкований поэм Гомера, в трудах софистов, Платона («Кратил», «Софист» и др.) и Аристотеля задолго до возникновения христианского вероучения [17, с. 231-267]. В герменевтическом дискурсе внимание исследователей сосредоточивается не на буквальности текста, а на попытках выявить его интенцию. Осмысливается не то, о чем говорится в тексте, а то, о чем *хотел бы* сказать его автор. Однако в герменевтике существует установка на возможность окончательного, истинного толкования. История человеческой мысли предстает в виде производства и последующего развенчания систем знания, претендующих на истину. Если рассматривать современную науку как форму нарративного знания, которая легитимируется через «метарассказы», то сейчас можно наблюдать кризис метарассказа социальной науки, оформленного с помощью сциентистской модели научного языка. В ходе этого кризиса социальная наука с помощью герменевтики возвращается к своим основам, а именно к форме «простого рассказа», истина которого не задается ничем извне [6, с. 7-11].

Позитивизм задает субъект-объектную, естественнонаучную модель познания. Однако сознание субъектов, с которым всегда сталкиваются социально-политические науки в описании общественной реальности, не может быть из нее устранено. Более того, сознание всегда избыточно в отношении описываемой реальности. Поэтому в герменевтическом дискурсе речь идет уже о субъект-субъектном отношении познания, столкновении моделей реальности и неустранимом конфликте теорий как систем убеждений. Природа социально-политического знания описывается в герменевтической традиции как идеологическая, не сводимая к социальным фактам. В результате становится релевантной позиция, согласно которой «подлинно научная методология, обосновывая свои претензии на объективное знание, должна рефлексировать о своих метанаучных основаниях, условиях истины, которые не содержатся в логике научного исследования и не могут быть обоснованы по правилам той же теории, в рамках которой оно проводится» [9, с. 147].

Социальная герменевтика описывает общество как закрытую систему, культурный и познавательный код которой заключен в ней самой. Ресурсы познания этой системы ограничены и циклически воспроизводятся из нее самой. Сциентистский подход, наоборот, рассматривает общество как бесконечное в линейном времени и безграничное в культурно нейтральном пространстве. Таков базовый код либерализма, внутри которого находится современность-модерн. Эта бесконечность позволяет игнорировать актуальные общественные, исторические, экономические, культурные различия и противоречия в пользу достижения будущего тождества, всеобщего блага. Реальное и должное сливаются: абсолютные ценности известны и познаны, настал конец истории. Поэтому общественная теория ограничивается «средним уровнем», основанным на воплощении этих ценностей в практике. Вопрос о возможности существования «другого субъекта» с иными, конфликтными ценностями снимается через его занесение в дискурс «патологического». Подробно теория и практики разделения и конструирования социальной «нормы» и «патологии» описаны в работах М. Фуко [12, 13, 14, 15].

Абсолютное воплощение герменевтическая практика получает в форме нескончаемой интеллектуальной игры, трактуемой как «поле замещений и дополнений, образуемое путем подстановки бесконечного числа означающих в конечном числе означаемых» [5, с. 445-466]. Аксиома о возможности объективной реальности, даже конвенциональной, в этой модели языка отрицается изначально. Исследовательская работа ведется не с самой реальностью, а с ее толкованиями. Такова, например, схема Р. Барта, где первоначальные означающие используются в качестве означаемых вторичной семиологической системы [2, с. 74-81]. Популярности герменевтики в социальных науках способствовал «лингвистический поворот» науки, связанный с особым вниманием к средствам научного познания, сводимым в конечном счете к самому языку описания. Ранее в условиях согласия научного сообщества по поводу базовых понятий и методов язык науки не мог быть ни объектом исследований, ни методологической проблемой.

Социальная герменевтика указывает на дискурсивность любой познавательной практики. Ее интенция состоит в том, что на вещах запечатлены приметы и символы их трансцендентного смысла, что за видимым текстом существует изначальный Текст, и первый всегда отсылает ко второму через подобие, означивание, откровение. Герменевтические методы нацелены на прорыв к таким основаниям мышления, которые выступают как способ противодействия логике замкнутых формализованных систем, непровержимых и непротиворечивых изнутри, если мы принимаем эту логику как естественную и единственную. Актуализация герменевтической модели

науки связана с очевидной невозможностью создать былое тождество формализации и формализуемого. Подобная методология работала лишь в условиях единой картины мира, будь то христианство или проект Просвещения. Постструктурализм показывает, что не формализуемы и сам «естественный язык», и «жизненный мир». Соответственно любой искусственный язык науки, в том числе позитивизм, не может претендовать на абсолют, не рискуя быть подверженным принципу фальсификации. Отсюда происходит релятивизм: ни одна модель научного языка не может претендовать на присвоение/объективное отражение социальной истины-власти. Поэтому герменевтическая модель ориентирована не на доказательство-объяснение, а на дискурсивное толкование-интерпретацию истины. Ее слабость в том, что прояснению истины здесь мешает неспособность интерпретирующих методов к систематизации и социальному конструированию.

Априорная аксиома герменевтики заключается в том, что в основание истины она кладет социальное бытие или язык – первоначало, которое не тождественно само себе. И самопротиворечивость бытия (языка) вполне естественна, редукция же к непротиворечивости и однозначности, наоборот, искусственна и подозрительна. Поэтому в социально-политической науке приобретает релевантность «принцип неопределенности» В. Гейзенберга, когда наблюдатель самим процессом наблюдения изменяет объект. Следовательно, сказать, каким был объект до наблюдения, невозможно. Социальная истина всегда ангажирована: положением в социальном пространстве из которого она наблюдается, средствами наблюдения, ценностными ракурсами и целями наблюдателей. Таким образом, открывается пространство субъективных социально-политических истин, каждая из которых может претендовать на признание и/или научность.

Наконец, герменевтический подход открывает социальную ситуацию мышления, описываемую «принципом дополнительности» Н. Бора, где социальный факт приобретает многомерность и большую степень достоверности путем описания различными теоретическими языками и моделями. Популярный в квантовой физике принцип формулирует проблему утраты универсального языка описания, покинувшего и в физике, и в общественных науках пределы рассудка и здравого смысла. И как следствие – открытие зависимости результатов исследования от способа их описания. В связи с этим предлагается описывать все факты, гипотезы, модели и процессы как минимум двумя способами, что приближает исследователя к более истинной «стереоскопичной» картине несмотря на то, что одновременно она становится и более противоречивой.

Методологический тупик, на который указывает герменевтическая модель познания, заключается в том, что познание социально-политических объектов как природных или наоборот универ-

сально культурных («общечеловеческих», «природных», данных «в самоочевидности») ведет к изъянам редукционизма, где в угоду непротиворечивости и объективизму внешние свойства вещей выдаются за их сущность. В качестве подобных примеров можно привести концепцию сознания как «черного ящика» (Р. Скиннер), кибернетический подход к общественной системе (Р. Даль), «конец истории» как теорию единого культурного пути человечества (Ф. Фукуяма), манихейское деление обществ на тоталитарные и демократические, рыночные и нерыночные, свободные и несвободные (транзитологические теории) и т.п.

Распространение герменевтического языка науки связано с кризисом экспериментально-рассудочных методов, формировавших модель образцовой научности и в гуманитарных сферах. «Развеществление» материи в физике, открытие «бытия языка» в философии, иррационального «жизненного мира» человека в социологии, «бессознательного» в психологии сделали единую картину мира труднодостижимой. Здесь множественность сущностей (она же есть отсутствие конечной сущности вообще) задает напряженность научной полемики через «эпистемологический анархизм» (П. Фейерабенд). Тогда ценность приобретает само вопрошание и гипотетичность научного познания, всегда готового встретить и критику, и новые истины. Собственно последние в процессе научной агонистики только и приобретают истинную ценность. В такой ситуации невозможно занять объективную позицию в принципе, тем более основанную на обладании конечной истиной. В противном случае это означало бы конец науки и начало идеологии. Методологический максимум, на который мы можем претендовать в социально-политических науках, в данном случае – это «объективация объективирующего субъекта» (П. Бурдьё) или же «наблюдение за наблюдателем» (Н. Луман). Тот, кто рискует наблюдать, должен быть готов к тому, чтобы быть наблюдаемым. Таким образом, социально-политическому знанию заведомо придается статус субъективного и ангажированного. Проблема состоит лишь в том, замечает/не замечает, причем сознательно/несознательно эту дилемму творец социальных теорий.

Итак, герменевтический подход связан с ценностью онтологии: важно не как, а что мы описываем, не «истинные» методы описания, а сам объект. Так как мир опосредован языком и дан через язык, не следует нейтрализовывать «тело языка». Его редукция и формализация могут привести к отбрасыванию самой истины в угоду частному и второстепенному, хотя и непротиворечивому. Если мир дан через призму языка, то соответственно изучать его следует посредством языка, путем его интерпретации, раскрытия во всей полноте и противоречивости, что, собственно, и является способом уяснения истины. Не нужно превращать язык из мира идей, особой

действительности в операциональное средство, так как через его полноту, символическую насыщенность говорит само бытие. Язык и есть само бытие, а не инструмент «чистой мысли». Формализация и редукция естественного языка искажает Бытие. Языку же нужно просто следовать в духе лингвистической герменевтики Хайдеггера, он сам выведет к истине бытия. Свойства бытия возникают в процессе описания, а не предпосланы ему как универсальные и неизменные. Более того, описание само творит и открывает бытие. Здесь трудно разделить субъект и объект, язык и бытие. Если описания и измерения противоречивы, это не означает их ложности, негодности инструментов измерения или сознания измерителей – таково бытие, оно противоречиво и едино одновременно.

Любая интерпретация может оказаться истинной или даже все интерпретации, как утверждают постмодернисты, например при восхождении на иной уровень описания. Слабость подобной позиции в том, что она кратчайшей тропой ведет к релятивизму, агностицизму и отрицанию классической естественнонаучной нормативности. Проблема в том, что претендовать в науке на истину, даже если она заявляется как гипотетическая, значит одновременно притязать на общезначимое или всеобщее знание. Все иные методологические позиции, связанные с выделением и возделыванием некой собственной, автономной интеллектуальной поляны – скорее «от лукавого», хотя они имеют такое же право на существование. Однако «если человек с самого начала не претендует на всеобщее содержание своих идей, а хочет только выкроить себе особое видение рядом с другими видениями – это всегда плохо. Релятивизм, как называется эта теория, есть верный признак разброда умов...» [7, с. 167-288].

И проблема здесь не в самом наличии множества интерпретаций, гипотетичности теоретических и обобщающих истин, естественном плюрализме идей, которые неизбежны, а в том, что стремление сделать частные и особенные позиции, подходы и идеи всеобщими объявляется несущественным или даже не нужным. Научные коммуникации и дискуссии по поводу верификации истины и знания превращаются в обмен мнениями по тому или иному поводу. А гипотетическое по своей природе мнение есть именно то, что, по Сократу, лежит между знанием и незнанием. Но если мы берем в качестве примера именно общественные науки, ориентированные на поиск неких всеобщих закономерностей в отличие, например, от идеографического знания, преимущественно ориентированного на неповторяющиеся, уникальные и невозпроизводимые явления, факты, культурные артефакты (история, археология, филология, психология и др.), то мы не можем не признать, что наука есть способ мышления, ориентированный на универсальное и общезначимое знание, а не только сами по себе ценности, оценки, мнения и идеологии. Безусловно, всегда можно сказать, что наши методы, толко-

вания и интерпретации уникальны и исключительны, а потому к нам не применимы жесткие, претендующие на всеобщность нормы, которые ограничены и «идеологизированы» интересами наших оппонентов. Но это не более чем постмодернистские уловки, связанные с неспособностью или сознательным отказом созидать потенциально всеобщее и тотальное.

В герменевтике истина несводима к методу и не является априорным содержанием метода, с помощью которого осмысляют факты. Истина шире метода, она принадлежит «жизненному миру», действию, воле, богу. Метод же всегда ретроспективен в том смысле, что апостериори относит истину к той или иной редуцированной схеме, классификации, теоретической перспективе. Поэтому метод не открывает истину, а вторично воспроизводит ее в процессе субъективного понимания. То есть метод – всего лишь склонность определенным образом, в соответствии с той или иной мыслительной традицией интерпретировать мир. И здесь научный метод ничуть не эффективнее в плане познания пред-рассудка, мифа или идеологии, а его привилегированность является объектом веры адептов научного метода.

Герменевтический метод исходит в качестве отправного пункта размышлений из пара-доксальности реальности и способов его осмысления в буквальном смысле, как всего того, что противоречит доксе – всему очевидному и соразмерному здравому смыслу человека. В качестве методологически близких языков описания здесь можно назвать феноменологию, экзистенциализм, герменевтику, синергетику, постструктурализм, деконструкцию, паранепротиворечивую логику.

Герменевтика в социально-политических науках функционирует как критика идеологии, критика «социальных фактов», обнаруживая, что латентно этические по своей природе рассуждения о «всеобщем благе» часто происходят в декларативно свободном от морали интеллектуальном поле. А демонстративное позитивистское отстранение от морали и ценностей не гарантирует исследователю позиции «над схваткой» идеологий. Если методы формализации стремятся получить конечную истину путем организации закрытого и непротиворечивого дискурса значений, ограниченного имманентным социальным пространством, то интерпретация акцентирует внимание на исторической подвижности общества и человека, социальном индетерминизме, иррациональности, разрыве должного и сущего. Характерным примером для иллюстрации подобной двойственности является диалог Платона «Ион», где Сократ выясняет, что любое человеческое искусство в своих высших проявлениях создается скорее не «людским» мастерством, а является своеобразным подключением к «божественному», трансцендентному порядку, где творец выступает лишь как орудие и пере-

датчик не принадлежащего ему самому пласта смыслов и идей [8, с. 530-542].

Главный вывод относительно общей структуры социального познания состоит в том, что сциентистская и герменевтическая методологии науки несмотря на их идеологическую непримиримость нуждаются друг в друге, взаимодействуют согласно принципу дополнительности. На макротеоретическом уровне они восполняют «слабые места» и конструктивные недостатки друг друга. Эти модели образуют парадигмальное единство науки, составляя бинарную методологическую оппозицию.

В социально-политических науках обозначенное противоречие выражено аксиоматичным ценностным конфликтом, столкновением социально ангажированных научных парадигм. Эта борьба за объективность, борьба за привилегию определять истину внутри науки вторично рационализируется. Расхождения онтологических истин социальной реальности объясняются постулированием того или иного метода, но не ценностей и интересов, легитимирующих фундаментальные «первоначала» и «способы мышления» об этой социальной реальности, которые, собственно, и фундируют научный статус исследования. Часто выбор метода исследователем психологизируется, объясняется особенностями его индивидуального восприятия, воспитания, развития, что характерно для вывода социального из индивидуального или в еще более грубом объясняющем варианте, из биологического начала (фрейдистские версии психоанализа).

Аксиома, окруженная в позитивистской модели науки своеобразным обетом молчания состоит в том, что: а) социальное знание универсально и носит внеисторичный характер; б) научным объявляется только тип рациональности, исторически связанный с проектом Просвещения. Однако существует и другая постановка проблемы, являющаяся объектом умолчания, выражаемая сквозь призму герменевтики. Мега-тенденцией в современной социально-политической теории служит методологический дрейф от поиска тождеств к поиску различий, переходящему в своей радикальной фазе в идиосинкразию, в апологию несовместимости культурных и идеологических кодов, в критику самой возможности универсального критерия значимости сходств и различий. Отсюда возникает постмодернистская, теоретически обосновываемая невозможность обсуждения значимости ценностей, их встраивания и ранжирования в едином эпистемологическом поле, так как нет общих для всех универсалий, значений, ценностей. Здесь исследователь не столько артикулирует свою претендующую на универсальность диспозицию в общем эпистемологическом поле, сколько стремится через «черный ход» к открытию своего автономного научного поля и соответствующей ему истины.

Проблема языка описания. Методологическая парадигма социальных наук все активнее мыслится из интересубъективного нача-

ла языка. Аксиома состоит в том, что описание тождественно полагаю как субъекта, так и объекта. Гносеологический язык одновременно и перформативен («нечто полагает»), и денотативен («нечто описывает»). Поэтому легитимирующее основание политики, власти, общества заложено в самой модели языка его описания. Этим герменевтический подход позволяет в какой-то степени обойти проблему онтологического отсутствия основания у перводвигателя, будь то общество, власть или человек.

Выбор исследователя внутри парадигмальной оппозиции позитивизм-герменевтика зависит от того, как преодолевается дуальность языка описания: наделяет теория язык статусом материала (реальности) или нейтрального инструмента исследования (означающего). Подобный выбор осуществим только путем прерывания самореференции социально-политических наук. Это прерывание осуществляется через обращение к такому аксиоматичному объекту конкретной науки, как ее собственный язык описания.

Язык впервые стал мыслиться не как часть мира, предмет среди других предметов, а как означающее, принципиально связанное с знанием-истиной-властью в момент исторического перехода, описанного М. Фуко в «Словах и вещах», от всеобщей грамматики, призванной дать «истину мира», к филологии и литературе, обращенными к самому языку [16, с. 319-324]. Именно здесь язык науки впервые осознается не как естественное средство описания мира, никак не искажающее интенции Разума, выраженные через него, а как орудие преобразования этого мира. Условием возникновения подобной ситуации мышления служит изъятие человека из мира и противопоставление миру в качестве субъекта. Это универсальное противопоставление, породившее дискурс новоевропейской науки, сделало дуальность душа/тело, имманентное/трансцендентное, сознание/бытие единственно возможной формой, в которой происходит научное познание. Язык изымается из мира объектов и превращается в язык научного субъекта, присваивается им, чтобы контролировать характер своего отношения к бытию: формализация или герменевтика. Собственно, давний принцип «разделяй и властвуй» и был реализован Просвещением через язык науки Нового времени. Но сначала язык должен был потерять онтологичность и приобрести «идеалтипичность». Вместо символического и многослойного стать однозначным, перейти из сферы сакрального в сферу имманентного, где не Слово, но тот, кто владеет словом, определяет реальность, а язык превращается в описывающее мир «письмо». Когда в «классической эпистеме» Нового времени принцип классификации вытесняет логику подобия и сходств, язык теряет свою смысловую плотность. Он исчезает как объект, но появляется как орудие, с помощью которого разум определяет истину мира, упорядочивая и классифицируя его с помощью языка науки.

Актуальное исчерпание ключевых идей Просвещения и Модерна, в том числе в виде их реализации, а следовательно овеществления в практике и последующей естественной «профанизации», привело к возрождению языка, который вновь перестает быть инструментальным средством классификации, получает прежнюю плотность, насыщенность и субстанциональность. Автономизация научного языка от формальной рациональности сделала язык ключом к познанию мира, способом не только его описания, но и творения. Соответственно, мир стал стремительно приобретать свойства текста, прочитав который помогает только знание «сущности» языка как ключа к этому тексту. Вновь осознается взаимосвязь вроде бы прирученного разумом языка с чем-то потусторонним, трансцендентным. И теория информационного общества, и его виртуализации здесь вполне соотносятся с теорией магического творения.

Таким образом, язык вновь полагается на стыке имманентного и трансцендентного. Субъект присваивает язык, но оказывается, что и язык проговаривает что-то еще через субъекта, дополнительно к тому, что высказывается. И эта двойственность, шаткость высказываний видима если не самим субъектом, то его рефлектирующим адресатом. Последний вследствие этого приобретает способность вступить в семантическую войну, оспорить складывающуюся картину знания-власти как одну из интерпретаций, а следовательно и всю вытекающую из нее практику. В противном случае мы подвергаемся опасности стать заложниками языка описания, который определяет то, что вообще может быть высказано.

Любая научная теория построена на измерении и наблюдении, редукционизме мира к формализуемым и измеряемым процедурам. Проблема состоит в критериях и чувствительности исследователя к сокращению области «черного ящика», области неопределенности. Сильная редукция может как открыть универсальные типологические закономерности, так и проигнорировать область неопределенности, которая может оказаться более значимой и близкой к истине, чем удобно формализуемые частные случаи, отождествляемые с реальностью как таковой. Выбор того или иного члена оппозиции, его привилегированная значимость обуславливает принятие одной из базовых моделей научного языка. Сциентизм ориентирован на метод формализации, логические и рациональные схемы редукционизма. Он производит акцент познания на общем, сходном, универсальном и тождественном. Герменевтика ориентирована на методы интерпретации, когда акцент познания сосредоточен на особенном, уникальном, Другом. Здесь содержание и субъективная ценность различий существенней часто «натянутых» сходств и закономерностей. Наконец, сциентизм ориентирован на единственно возможную модель языка научного описания, который обычно принадлежит доминирующему общественно-политическому субъекту и ориенти-

рован на апологию социального статус-кво. Герменевтика, напротив, связана с интеллектуальной оппозицией, с критикой «лучшего из миров», с доказательством того, что он не единственно возможный и может быть по крайней мере усовершенствован.

Таким образом, сциентистская и герменевтическая методологии науки об обществе и человеке несмотря на их идеологическую непримиримость методологически нуждаются друг в друге. Данные парадигмы взаимодействуют в познании согласно принципу дополнительности, восполняя на макротеоретическом уровне конструктивные недостатки друг друга. Макротеоретическим дуализмом подходов объясняются как причины методологической жесткости структуры доминирующего позитивистского языка науки, так и антисциентистские методологические особенности герменевтики, связанные с восполнением «белых пятен» и конструктивных ущербов позитивизма. Любой социальный факт в этом смысле двойствен и может быть рассмотрен с обеих позиций. Вместе герменевтика и сциентизм образуют метапарадигмальное единство, составляя базовую методологическую оппозицию социального познания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Антисери Д.* Эпистемология и герменевтика // Вестник Московского университета. Серия № 7 «Философия», 2001. № 3. С. 3-27.
2. *Барт Р.* Из книги «Мифологии» // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 46-130.
3. *Гадамер Х.-Г.* Распространение вопроса об истине на понимание в науках о духе // Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1989. С. 221-445.
4. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250-296.
5. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2001. С. 445-466.
6. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. *Лифшиц М.* На деревню дедушке // Либерализм и демократия. Философские памфлеты. М.: Искусство-XXI век, 2007. С. 167-288.
8. *Платон Ион* // Избранные диалоги. М., 1965. С. 530-542.
9. *Соболева М.Е.* Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла Отто Апеля // Вопросы философии, 2002. № 7. С. 143-154.
10. *Хайлер Ф.* Религиозно-историческое значение Лютера // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 315-346.
11. *Халем Ф.* Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопросы философии, 2002. № 7. С. 26-51.
12. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
13. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: Университетская книга, 1997. 576 с.
14. *Фуко М.* Ненормальные. СПб.: Наука, 2005. 432 с.
15. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
16. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.

17. *Шнем Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. М.: Наука, 1989. С. 231-268.

RESUME

Victor Sergeevich Martyanov, Candidate of Political Science, associate professor, Scientific Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 374-15-88 martianovy@rambler.ru

Discussion on Truth: Macrotheoretical Dualism of Hermeneutics and Scientism

The article proposes a hypothesis that despite of the ideological opposition of the scientist and hermeneutic methodology of social science and human studies, these two theoretical approaches, in spite of their ideological irreconcilability are methodologically interconnected. These paradigms interact in cognition according to the principle of complementarity and thus compensate mutual constructive disadvantages on the macro-theoretical level. The dualism on macro-theoretical level explains both the methodological rigidity of the structure of dominating positivist language of sciences and the anti-scientist methodology of hermeneutics, which attempts to fill the gaps in cognition created by scientism. Thus, any social fact is dual and can be approached from both positions. Together hermeneutics and scientism generate meta-paradigmatic unity and form the basic methodological opposition inside the social knowledge.

Truth, cognition, paradigm, hermeneutics, scientism, dualism, methodology, complementarity.

Материал поступил в редколлегию 04.02.2011 г.